

# Искусство жизни

СТОЛ яварь, но небо было прозрачно-синим, солнце золотило стамбульские здания, и для того, кто недавно оставил Москву, все вокруг пахло веселой свежестью. Вдоль всего перрона стояли девочки в школьной форме. Они держали в руках букеты.

Пассажиры занимали три вагона, их было около ста человек, почти все — актеры и режиссеры, приезжавшие в Потн отметить традиционный день грузинского театра.

Место для этого торжества было избрано не случайно. Общий праздник совпадал с городским. После реконструкции открывал свои двери театр. На центральной площади, от которой радиально расходились улицы, теперь стояло, в сущности, совсем новое здание. Оно сияло своей близкой и казалась кораблем, готовым и оптимизмом, сразу вспоминалось, что почти рядом греется у берега Черное море.

Весь город участвовал в создании этого дома искусства и нетерпеливо ждал для открытия. Уме было известно, что руководить театром будет опытный Реваз Мшвхулава, что с его спектаклями будет принимать участие талантливая актриса Театра Руставели Зинаида Киренчхидзе...

В три часа дня в обновленном фойе от собравшихся было тесно, хотя большая часть уже заполнилась зал. Леночка вытаскивала над ступенями, только злая тетя, полукругом стояли малышки в розовых платьях с бантами в волосах — их было много, не меньше двадцати. — Глупые от волнения, они заперли в ожидании торжественных минут.

И вот тогда пожилыми в руби приближалась старейшая грузинская актриса, чье имя известно во всей стране. Верико Анджапаридзе шла нетуго и уверенно, не ощущая груза тела. За ней, мягко ступая, приближалась ее дочь Софико Чхазури, а у голубых ее губ таилась улыбка, хорошо знакомая каждому зрителю, но неразгаданная и поныне.

Ножницы несомненно коснулись ткани, она послушно разошлась в разные стороны, словно раздвинувшийся занавес, — в тот же миг лесочки заплели в взрослые податливые пальцы.

Пели все — и горжане, и гости, и лица их были значительными и строгими. Пели режиссеры Роберт Стурца и Григорий Лордипаидзе, пели артисты Георгий Гегечкори и Нотэ Мазарадзе, драматурги Гурди Батшалашвили и Александр Чхазидзе, пели кораблем, строителями, и голоса их сливались в голосами девочек в розовых платьях. И почти потерявшие смысл упоминание театра хрипу вдруг стало естественным и оправданным.

Потом были речи и воздавание, а Верико Анджапаридзе сказала несколько теплых слов о Бакури Гулава, первом секретаре горкома партии, чье имя не однажды звучало в связи с известным «потийским экспериментом», но он же, Гулава, как выяснилось, был и душой реконструкции театра, в котором отныне было три сцены, кроме основной, — малая и экспериментальная, — в городе с населением в шестьдесят тысяч.

Слов искусство показывали актеры многих театров, а кульминацией был скандал выход Софико Чхазури, которая всех подожгла своим танцем, и — почти сразу же — появление Верико. Она промолчала в легатике и царственно, и озорно — почти неопознанным

сочетанием! И весь зал встал, приветствуя чудо.

В конце торжества на сцену вышла красивая женщина с охотной улыбкой, это и была Зинаида Киренчхидзе, в после прочтении ею стихов сцену заволакует артисты потийского театра, в своей большинстве — молодые люди, только что закончившие институт...

ЦЕЛ СМЫСЛА походка говорить о «потийском эксперименте», который давно вышла за пределы места рождения, это дело экономистов, уже немало о нем написанных. Хочется сказать о самом Бакури Гулава.

Перед нами стоял среднего роста сравнительно молодой человек (Бакури Давидовичу тридцать семь, но выглядит он еще моложе), в каждом жесте его, в каждом взгляде ощущалась энергия и мысль.

Он говорил о том, что Потн — город, который привык трудиться, умеет трудиться, знает цену труду. И что всегда держат свою марку, почти что должны быть духовно наполнены. Духовно наполненный человек ощущает работу как потребность в творчестве и одолевает все испытания.

Верико Анджапаридзе смотрела на него с неприкрытой нежностью.

— Могу признаться: люблю этого человека, — сказала она. — Он из тех, кто понимает, чем люди живы, и делает все, чтобы помочь им жить.

Наклонившись ко мне, Ноад Джабберидзе негромко добавил:

— Верико права: Бакури Гулава понимает, что хлеб духовный есть хлеб насущный. И он не одинок. Мы собираемся в Хобский район. Не сомневайтесь, что там вы увидите еще одно интересное знакомство.

В Хоби (как и в Потн) нас без Баки Кобахидзе — народных артист и один из руководителей театрального общества. Легкий, стремительный, артистичный в каждом движении.

— Это не совсем бесспорное путешествие, — говорила она, — ведь я сам родом из Хобского района...

По обе стороны дороги летели огромные затейливо вымышленные камни — дома с летящими лесениками, как бы прислонившимися к торцу второго этажа. В садах пламенели крупные красные маки, а в оврагах оранжевая кукуруза. И строго было видеть в это время года то тут, то там островки зеленых трав.

Мы въехали на центральную площадь города Хоби (городом он стал полтора года назад) и сразу же приметили ялотною мужичку в черном лосином пальто с черной ланной волос над крутым лбом. Это и был Нугзар Надарая, секретарь Хобского района партии.

СЛУЧАЮ Надарая достаточно было провести несколько минут, чтобы почувствовать, какой горячий темперамент заключен в его пластике, в манере речи, в естественном перемещении в пространстве.

Смотрите внимательно, — сказал Надарая, — это селавал из Уриэл Церетели.

Он начал введу «Древо жизни», возмущенное Тбилисским зодчим прямо на площади перед Дворцом культуры. Это было прекрасное творение мастера с характерной для него языком, с тонкой отработкой деталей. Связь ажурную медную латуни,

## Леонид ЗОРИН

ку, свитую медным латуном, видны были на медных ветках медный лавин и медный филин. По стволу упорно взбирались змеи, шершавые и черешчатые, у подножия неслились являлись грибки, а из земли были боканы, и жила мола точно птаха корня медного исполни.

— Наюбовазис? — спросил Надарая. — Тогда пойдемте. И мы вошли во дворец.

Сколько я впечатляло был он снаружи, внутри он поражал еще больше. Обилием воздуха, света, простора. Все было изложено и соразмерно, пространство было использовано по-хозяйски разумно. Студии, комнаты для занятий, широкие вестибюлы, украшенные gobelenaми, — они были посвящены аргонамтам, приписанным за золотым руком — и, наконец, театральным залом — с огромной сценой, на которой, как оказалось, проходили и оперные спектакли, — все выглядело до свершения новым, звучащим праздничным блеском.

И все же то было только предвещанье.

— Здоровый дух в здоровом теле, — сказал Надарая и пошел нас смотреть любящее детище — спортивный комплекс. Точно волшебник из рукава, он извлекал одно за другим чудеса. Стадион, который мы сделали честь любой яде, бассейны, где проводятся международные состязания, с десятью дорожками, с местами для зрителей, гостиная на сто двадцать гостей, столь же уютная, сколь комфортабельная, для завершающихся строительства — зал для гандбола, для мини-футбола, для зимнего тенниса и спортинтернат, в котором будут жить и учиться шестьсот ребят, из них — сотни местных. Чуть дальше, вдоль реки Хоби, тянулася длинная великолепная набережная («Мы еще приводим ее в порядок, на всем протяжении будут гореть фонари, пусть их свет отражается в волнах»), а на той стороне, где над горячим источником курялись белые облака, возводился балнеологический корпус.

Теперь — в монастырь Цотиз-Давида. Это был человек чести, и нас тут его ждал.

В монастыре было тепло и прохладно, в одной из фресок святости принимала икона. От первого легкого прикосновения проступало юное лицо с глазами, полными сегодняшней страсти.

— Нужны реставраторы, — вздохнул Надарая.

Он подвел нас к пролому в стене и показал на дикий иппик, буйно и неудержимо прораставший сквозь камень.

— Видите, живое пробилось через камень, и камень кажется живым тоже. Мы хотим, чтобы и наши музеи не только напоминали, а жили и действовали. Здесь, упрямый Цотиз-Давида, летом раскинут всевозможный лагерь, днем молодежь строит, потом отдыхает. По вечерам на ступенях старого храма выступают певцы и танцоры. Разные языки, разные песни, тут уже не только музей, мы так же? И то же в музее освоения Кавказа. Мы, конечно, развесили в нем портреты тех, кто осматривал эту почву: в первого главного инженера, и того рабочего человека, который первым торю дорогу, и писателя Паустовского, воспевавшего этот подвиг народа. Но мы ведем еще в музейных стенах большую научную работу, собираем международные симпозиумы, возводим в миниатюру колоссальную флору и фауну, хотим разбить ботанический сад.

Музей освоения Кавказа был расположен на высоте, с которого просматривалась сквозь легкую дымку одновременно щедрая в неподатливости коллида земля. Прямо перед нами, на горизонте, был виден Потн с его причалами, новым народным морским вокзалом и стреловидными радиальными улицами.

ПОТОМ по дороге в Ханискур Надарая говорил:

— Вот в музей Петра Кобахидзе, в который мы сейчас с вами едем, не только памятник большому артисту — он тоже действует в живет. А как — не скажу, увидите сами... Сколько я секретарствую? Когда начала, мне было еще тридцать, теперь сорок. Десять лет — сорок немалых, а промечислился, как один день. Мы кое-что сделали, мы это видели, но для этого нужно было не слишком нежиться. Выполнили пятилетку досрочно, это дало нам хорошие заделы, можно было приступить и строительству. Сперва было тяжело, но теперь все идет: недаром старались. Земля эта может быть очень плодородной, но без труда не даст ничего.

Машина, яркая, полезла вверх, по склону позующей в гору дороге, — впереди в просторный двор, охватывающий холмы старый дом. С нас пролегли по спиральным комнатам. С дождя тех лет смотрели портреты известных деятелей грузинского театра, в одной боковой комнате были фотографии самого Кобахидзе — в жизни и в любимых ролях. Висела одежда Уриэля Аосты, в которой он выходил на сцену, подсвеченный, который он нес в руке. Эта роль принесла ему славу.

— Теперь сюда, — пригласил нас, и мы вошли на крохотный балкончик. Перед нами был изумительный театр — под балконом каменистая полукруглая сцена, чуть выше — полукруглый ярам. Надарая сказал:

— В прошлом году мы здесь проводили день грузинского театра. Не в Тбилиси, не в Кутаиси, даже не в Потн — здесь, в Ханискури. Люди собрались со всей округи, сидели, лежали, стояли, висели, никто не жаловался на тесноту. Настоящий был праздник! Вот это и есть тот секрет, о котором я говорил вам, — музей действует и живет. Пусть люди слышали сюда приходят увидеть того, кто их ушел, потом придут в везну за советом.

Баки Кобахидзе добавил:

— Прошногом году праздник открыл лапуством Дмитрий Александрович Алексидзе, который нас всех выводил к людям. Он стоял на этом балкончике, был весел и радостен, никто не думал, что так его так скоро пролетит. Этот год был для нас очень важным — ушел Александридзе, а Ноад Дубовидзе и Георгий Калаташвили. Но жизнь неистребима так же, как творчество. Сегодня часто доводится слышать, что наше грузинское искусство переживает свою весну. Конечно же, нашим мастерам созданы редчайшие условия, и искусство соответствует истинной традиции. Грузия занимает на карте нашей Родины не такое большое место, но творчество, но работа духа не знают ограничений...

Директор музея принесла нам фотографии. Мне хотелось взглянуть о многом, но было поздно, пора ехать, и я ограничилась двумя страницами: «Счастливым художником, который ценит народ, Счастливым народом, который ценит художников».